

ТЕНЬ АНГЕЛА рассказ

Затаив дыхание, я смотрю на снежинки за окном. Белые хлопья кружатся, взмывают и падают, танцую под известный лишь им мотив зимнего ветра. Иногда они ложатся на стекло и замирают, будто пытаются похвастаться своей красотой, но тут же соскальзывают прочь, оставляя лишь слабый влажный след. Однако я успеваю заметить хитросплетение ледяных узоров: хрупкое и мимолётное, как сам полёт, но исполненное того неосязаемого изящества, что всегда остаётся незамеченным.

Я впитываю их красоту и смотрю сквозь белое мельтешение на дом напротив.

Квадратные брешки окон в серой громаде светятся жёлтым. Многие из них зашторены, некоторые сияют огоньками гирлянд, однако есть и такие, что и вовсе не спрятаны от стороннего взгляда. Но это вовсе не оттого, что их обитатели жаждут чужого внимания. Просто даже в свете неброских светильников и ярких люстр люди порой забывают про свет иной, что теряется среди насущных дел, невзгод и неурядиц.

Вот, на втором этаже, молодая пара. Парень и девушка размахивают руками, пучат глаза и выкрикивают что-то дрожащими от возмущения губами. Слёзы готовы навернуться на глазах обоих, но обидные слова, хоть и будучи неслышными, заставляют вздрагивать даже тишину разделяющей дома улицы.

На четвёртом, в крайнем справа, сидит старик и разглядывает в слабом свете торшера, бережно придерживая пальцами за уголки, глянцевого фото. Позади виднеется неряшливо украшенная пластмассовая елка, а подле, на столе, лежит перевязанная лентой коробка с куклой. По сухим морщинистым щекам текут скупые слёзы.

На пятом же светится ангелок, сплетённый из приклеенных к стеклу диодных лент. Фигурка маленькая, свет слабый, но он всё равно выхватывает из темноты пухлощёкое личико мальчугана, положившего подбородок на скрещённые на подоконнике руки. Он не плачет, однако зелёные глаза исполнены такой печали, что хочется разрыдаться самому. Потому как в соседнем окне видны двое взрослых: мужчина, кидающий вещи в распахнутый чемодан, и женщина, спрятавшая лицо в дрожащие ладони.

Я не слышу их голосов. Звонкий мороз и заклеенные на зиму створки служат надёжной преградой. Но даже если распахнуть окно настежь и спугнуть снежный морок, я всё равно не разберу слов. Потому как куда громче звучит застывшая на заунывной ноте тяжёлая и вязкая печаль.

Я сижу в тёмной комнате. Родители понимают, что мне так нравится и не противятся. Но дверь за моей спиной притворена не до конца, и прямоугольник жёлтого света отражается в окне. Словно тюрьма моего недуга может стать крепче из-за какого-то щелчка щеколды.

Зато я прекрасно слышу их голоса, хоть они и пытаются говорить как можно тише. Но их шёпот настолько пронизан эмоциями, что даже безмолвный диалог одними губами не смог бы укрыться от моих ушей.

– Лариса! – голос папы резок и груб, но я понимаю, что это из-за давно и крепко взевшейся усталости. – Он неизлечим! Ну не лечится такое! Сколько мы уже перепробовали? Сколько денег спустили? Все без толку!

– Но Пётр Иванович сказал... – отвечает мама и замолкает. В её словах усталости не меньше, но уже почти нет той привычной дрожи, что всегда сопутствовала запертым слезам. Всё-таки надежда, хоть и слабая, не желала тонуть в солёном омуте.

– Твой Пётр Иванович – шарлатан! – слышится шуршание газеты, и папа читает язвительно-насмешливым тоном. – «Доктор Соколов, сенситивно-психологическая терапия». Ты хоть видела его диплом? А лицензию? Можешь не отвечать, я и так знаю, что нет! Сколько он уже с тебя содрал? Я ради него, что ли, в две смены папу?

Я не понимаю, почему папа ругает доктора.

Пожилой и улыбчивый, тот сразу попросил называть себя просто дядей Петей. Другие врачи либо смотрели на меня, как на несмышлёного зверька, листая бумажки и изучая подключённые к моей голове приборы, либо сюсюкались, как с младенцем, хотя в уходящем году мне исполнилось уже целых десять лет. А дядя Петя говорил со мной, как с нормальным, взрослым мальчиком, без дурацкого лепета или игнора.

– Признай наконец, – говорит папа уже без злости. – Просто признай. Андрей – дебил. Мне тоже больно, поверь. Но нам нужно принять это.

– Не говори так! – теперь уже голос мамы наливается звонкой яростью. – Серёжа! Не смей говорить такое про нашего сына!

Несмотря на свой серьёзный возраст, я не понимаю ещё многих слов. Даже тех, что зачастую слышу от сторонящихся меня людей. «Дебил», «неполноценный», «умственно отсталый». И до сих пор не гадаю, что такого наговорил дядя Петя маме, после чего я на её лице вновь стала появляться улыбка. Наверное, как раз из-за неё я и запомнил ту странную речь доктора. Которую он, опять-таки в отличие от своих коллег, не пытался говорить у меня за спиной.

«Видите ли, – сказал тогда дядя Петя, – Ваш сын живёт в совсем иной плоскости восприятия окружающего мира. Мы ещё не до конца изучили данный феномен, но он однозначно имеет место быть. Да, мальчик не почти не способен управлять собственным телом. Но нарушение синаптических связей, работы нервных клеток и общего функционирования организма – это лишь следствие. Биологическая составляющая просто никак не может поймать связь с той тонкой сущностью, с той эмоциональной параллелью, в которой на самом деле существует сознание Андрея. А оно существует, уж поверьте, и наверняка куда богаче, да и глубже, чем наши с вами умы вместе взятые».

Я так сильно задумался над словами доктора, что даже не услышал, как скрипнула дверь и в комнату зашёл папа.

Сильная рука разворачивает коляску. Отец садится передо мной на корточки и слабо, но улыбается. Я пытаюсь улыбнуться в ответ и даже сказать что-то, но губы едва шевелятся и вместо слов слышится только сильный хрип. Наверное, улыбка тоже выходит не очень – плечи отца вздрагивают, но сам он не перестаёт улыбаться. А потом протягивает руку и взъерошивает мне волосы.

– Андрюха, ты как? – папа не дожидается ответа и продолжает. – Ну и молодец! Мужик! Слушай, я на работу – присматривай за мамой, ладно? Ну и слушайся, конечно! Я же могу на тебя положиться?

Я снова пытаюсь что-то ответить, но только хрипало. Тогда папа кивает, хлопает меня по плечу и выходит. Слышится стук железной двери, и целых долгих пять минут в квартире царит тишина, прерываемая лишь маминими всхлипами на кухне. А потом появляется и она.

– Андрюша, милый, не проголодался?

Под глазами красные круги, волосы растрепаны, как будто в локоны впились напряжённые пальцы, но улыбка по-прежнему та, да и огонёк в глазах, что разгорелся после последнего визита к дяде Пете, так и не угас.

Я пытаюсь сказать, что нет, но снова лишь мычу, и мама всплескивает руками:

– Ну конечно! Совсем мы с папой заболтались. Ты погоди, сынок. Я сейчас тебе кашу разогрею. Гречку, твою любимую, – она хлопает себя ладонью по лбу и с шутливой горестью вздыхает. – Ах да! Совсем забыла, прости.

Мама подходит к ёлке, нагибается и щёлкает кнопкой возле подставки. На ветках тут же вспыхивают десятки разноцветных огоньков.

Мы поставили ёлку ещё вчера, а наряжали сегодня утром. Я говорю «мы», потому что мама всегда развешивает игрушки, только дождавшись, когда я проснусь. Тогда она достаёт коробки, ставит коляску поближе и непременно спрашивает, какую и куда повесить. И пусть я не могу ничего сказать в ответ, её пальцы всегда безошибочно выбирают нужную ветку.

Через какое-то время на кухне гремят кастрюли, радио мурлычет новогодний мотив, а мама ему тихо подпевает. Я же смотрю на переливы ярких светлячков, сплетённых воедино запрятанным в хвост проводом.

Я знаю, что по нему бежит ток, и что именно он заставляет сверкать миниатюрные лампы в пластиковой обёртке. Но я вижу ещё и нечто другое, текущее по невидимым нитям меж гирлянд и стеклянных шаров. Белый, незамутнённый полумраком свет, волшебный до самой глубины своего естества. Волшебный, ибо вбирает в себя всю силу, всю выжимку добра и тепла, что рождается при виде перебора цветных искорок, запаха хвои и наивного ожидания чуда.

Я вдыхаю и вбираю в себя этот свет. Чувствую, как упругой волной разливается он по телу, гулко отдаётся в висках и жжёт кончики пальцев. Руки сжимаются на поручнях коляски, и я рывком разворачиваюсь к окну.

Думаю, что этой энергии вполне хватило бы на то, чтобы обрести власть над своим телом. Наверняка, хватило бы.

Возможно, когда-нибудь... Да, когда-нибудь.

Но только не в этот вечер.

Я протягиваю руки, и белые нити срываются с кончиков пальцев, устремляясь к окнам дома напротив. Они касаются жёлтых пятен за стеклами, проникают за прозрачную гладь и растворяются внутри облачками алмазной пыли.

Молодая парочка резко замолкает. Секунду парень и девушка смотрят друг на друга, а потом хлёсткий, как искра, порыв сплетает их в объятиях, не оставляя места для тяжёлых фраз. И я поспешно перевожу взгляд дальше.

Пенсионер вздрагивает от звонка и неожиданно резво бросается к двери. Уже через секунду он судорожно отпирает простенький замок, и на шею ему, радостно вопя, бросается курносая девчушка. Светлая тугая коса взметается ввысь, разгоняя полумрак старческого жилища, и будто пытается мне на что-то указать. И я послушно поднимаю глаза.

На пятом этаже мальчуган жмётся что есть сил к отцу. Под локтем зажат плюшевый медвежонок, и ему очень неудобно его держать. Но он и не думает разжимать тонких пальцев, скрещённых за спиной мужчины. К тому же сбоку их обоих пытается обхватить женщина, на глазах которой так и не высохли слёзы. Но это уже совсем другие слёзы. И никто не смотрит на брошенный и такой ненужный чемодан.

Я заглядываю и внутрь себя. Волшебства почти не осталось, но на дне сердца ещё что-то плещется. И этих капель как раз хватает на то, чтобы на моём лице наконец появилась настоящая улыбка.

Жаль только, мама не видит. Но когда-нибудь она увидит. И папа, и все-все-все. Обязательно! Ведь правда?

В конце концов, ангелы красивы всегда.

И потому, когда в следующий раз вам где-нибудь встретится неказистый человек: с несуразными чертами, изломанными движениями или попросту застывший в коляске – не спешите брезгливо отворачиваться. Лучше взгляните на тень за его спиной. Вдруг там трепещут изголодавшиеся до полёта крылья?